

И. А. Хойновский

**Раскопки Великокняжеского
двора древнего града Киева,
произведенные весной 1892
года**

**Археологически-историческое
исследование**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. А. Хойновский**
Раскопки Великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 года: Археологически-историческое исследование / И. А. Хойновский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 143 с.

ISBN 978-5-458-34585-9

ISBN 978-5-458-34585-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Кіевѣ въ 1874 г. происходило засѣданіе 3-го археологическаго съѣзда; собравшіеся на этотъ съѣздъ ученые и профессора, осматривая достопримѣчательныя древности Кіева, между прочимъ, посѣтили и Десятинную церковь; выйдя изъ воротъ церковной ограды, археологи, остановившись на бугоркѣ около церковныхъ воротъ, смотрѣли на стоявшій съ другой стороны улицы домъ съ просторной усадьбой и большимъ фруктовымъ садомъ. Руководящій осмотромъ знатокъ кievскихъ древностей, указывая на эту усадьбу, принадлежащую князю Трубецкому, объяснялъ членамъ съѣзда, что на этомъ мѣстѣ и въ слѣдующихъ за нимъ усадьбахъ древняго града, въ началѣ Руси былъ Князь-Дворъ, что здѣсь, на этой горѣ жилъ какъ лѣтописный Кій, такъ и основатели Русскаго государства, первые князья Кіевскіе. Теперь эта усадьба составляетъ частную собственность ея владѣльца, но прійдетъ время, что ее купятъ археологи, раскопаютъ, каждую былинку разсмотрятъ и просѣютъ, и тутъ только найдутъ безцѣнный матеріалъ для начальной исторіи Руси. Это патріотическое увлеченіе страстнаго любителя родной старины не сбылось въ деталяхъ; но Провидѣнію угодно было, чтобы раскопка части этой мѣстности досталась въ мои руки. Понимая важное значеніе и отвѣтственную роль передъ обществомъ, я старался исполнить выпавшую на мою долю задачу, насколько мои средства, какъ умственныя, такъ и денежныя, а главное, насколько сложившіяся обстоятельства, при которыхъ производилась раскопка, мнѣ позволили. Пятаго февраля 1892 г. въ мѣстныхъ газетахъ появилось извѣстіе, что князь Трубецкой продалъ часть своей усадьбы инженеру Кривцову и что для постройки въ купленномъ участкѣ дома будетъ произведена съемка земли въ количествѣ довольно значительномъ, для того, чтобы выровнять усадьбу съ высотой улицы. Дѣлая въ прежнее время разныя изысканія на площади Кіева, въ Кіановской улицѣ, около Выдубицкаго монастыря, въ завалившейся пещерѣ, около сѣнной площади въ усадьбѣ Гребеня, и помѣщая результаты добытыхъ свѣдѣній въ газетахъ: «Заря» и «Кіевское Слово», мнѣ пришлось, для объясненія въ печати своихъ изслѣдованій, много изучать, какъ лѣтописи, такъ и описанія прошлаго времени Кіева; поэтому газетное объявленіе застало меня уже достаточно свѣдущимъ въ исторіи Кіева, и я зналъ хорошо важное историческое значеніе и блестящее прошедшее участка, на которомъ

начиналась съёмка земли, а потому рѣшился наблюдать, и если окажется возможнымъ, то и принять энергическое участие въ изслѣдованіяхъ того мѣста при раскопкѣ, какъ своимъ опытомъ, познаніями, такъ и денежными средствами. Обстоятельства помогли моему усердію: въ Кіевѣ въ это время начали сѣзжаться помѣщики юго-западнаго края на годичную ярмарку-контракты. Увеселенія масляницы, званныя блины, балы, концерты и дѣловое время контрактовъ поглотили все вниманіе кіевлянъ, а въ томъ числѣ и археологовъ; профессора же были заняты лекціями въ университетѣ, да кромѣ того слякоть въ перемежку съ двѣнадцати-градуснымъ морозомъ и снѣжною мятелю такъ устрашили любознательныхъ, что никто не рѣшался сидѣть по цѣлымъ днямъ при работахъ. Всѣ эти условія, а можетъ быть незнаніе большинствомъ прошлаго раскапываемой мѣстности сдѣлали то, что соперниковъ на этотъ трудъ у меня не оказалось, за исключеніемъ барышниковъ, торгующихъ древностями, которые вскорѣ начали красть находки, а потому были изгнаны. Владѣлецъ усадьбы Я. В. Кривцовъ, узнавши отъ меня исторію мѣстности, оказалъ полное сочувствіе моимъ изслѣдованіямъ, и въ виду моихъ трудовъ и моего заявленія, что я намѣренъ издать описаніе древностей здѣсь найденныхъ, предоставилъ въ мою пользу свою половину найденныхъ предметовъ. Съ этого времени мое положеніе при раскопкахъ сдѣлалось вполне опредѣленнымъ и я, не жалѣя трудовъ и средствъ, занялся присмотромъ и собираніемъ древностей. Правильность археологической раскопки была, въ этомъ случаѣ, немыслима. Земля снималась не послонно, а сразу вся четырехъ-аршинная ея высота. Двадцать человекъ землекоповъ становились въ рядъ на высотѣ края земли, ломами откалывали на аршинномъ пространствѣ промерзшій верхній слой, потомъ снимали его вглубь до уровня улицы, выкидая землю прямо въ ящики грабарокъ, вывозившихъ ее сейчасъ со двора. Окончивъ выемку такой стѣны земли, занимали сверху другую стѣнку и работа быстро подвигалась впередъ. Подрядчикъ, условившійся получать плату отъ куба вывезенной земли, наблюдалъ за быстротой съёмки. При этихъ условіяхъ присмотръ за находками на протяженіи 21 саж., безъ вниманія къ нимъ самихъ землекоповъ, сдѣлался очень труднымъ и я, убѣдившись скоро въ этомъ, придумалъ единственное въ такомъ положеніи средство — развить между рабочими корыстолюбіе и соревнованіе, а потому обѣщалъ имъ, что за всякій предметъ, найденный въ землѣ, буду сейчасъ имъ платить деньги, приказывая внимательно присматриваться къ выбрасываемой землѣ и собирать все около себя, не выбрасывая ни малѣйшей вещи въ ящики. Расчетъ мой былъ тотъ, что рабочій, внимательно собирая всякую мелочь, не пропуститъ предмета, хотя и мелкаго, но для меня интереснаго, за все получая вознагражденіе, а я если заплачу за двадцать находокъ безъ значенія, то этимъ не упушу двадцать перваго предмета, имѣющаго какой-нибудь научный интересъ. Вооружаясь каждое утро кошелькомъ съ мелкимъ серебромъ и кредитками, я, кажется, успѣлъ спасти много предметовъ, довольно интересныхъ въ научномъ значеніи, которые иначе были бы засыпаны въ яръ, куда сваливали вывезенную землю. Приказчики же хозяевъ помогали мнѣ въ присмотрѣ, въ интересѣ своихъ господъ. Замедлять ходъ съёмки никто не могъ, потому что съёмка земли усло-

віємь логовора должна была быть окончена къ 15 марта и заботой подрядчика было, держа столько людей и лошадей, выгадать поспѣшностью съемки свои барыши изъ этого подряда. Проходя часто по линіи съемки и болѣе наблюдая мѣста съ человѣческими костями, я занятъ былъ преимущественно изслѣдованіемъ раскопываемыхъ могилъ. Рабочіе же въ это время на всемъ пространствѣ собирали древности и я, отбирая находки при обходѣ, если находилъ предметъ интересный, то тутъ же осматривалъ мѣсто, съ котораго онъ былъ снятъ, для своихъ личныхъ соображеній о времени его производства и окружавшихъ его другихъ предметовъ. Изъяснивъ всѣ условія, при которыхъ производилась эта съемка земли и осматривая, по окончаніи ея, добытые результаты, какъ научные, такъ и вещественные, я съ полнымъ убѣжденіемъ могу сказать, что сдѣлалъ все, что при данныхъ условіяхъ могъ сдѣлать и добылъ такіе результаты, какіе энергія и деньги могли добыть мнѣ. При этомъ я не отрицаю, что когда бы эта съемка была произведена лѣтомъ и производилась бы какъ слѣдуетъ археологической раскопкѣ быть произведенной, т. е. чтобы земля снималась послойно рабочими и повозками поденными, а не отъ куба вывезенной земли, то и результаты изслѣдованій могли бы быть совершеннѣе и количество находокъ значительнѣе; но это не отъ меня зависѣло, а купившій землю для постройки дома, какъ человѣкъ, недавно поселившійся въ Кіевѣ, не зналъ прошлаго своей усадьбы и не думалъ объ археологіи, заключаая условіе на съемку земли съ подрядчикомъ.

Первоначальныя лѣтописныя свѣдѣнія о Кіевской горѣ.

На Трехсвятительской улицѣ въ усадьбѣ князя Трубецкого (планъ табл. № 1, рис. № 1), на пространствѣ 21-й сажени по улицѣ и 18-тъ саж. въ глубину усадьбы произведена была планировка грунта съ уровнемъ улицы, для чего пришлось снять до четырехъ аршинъ поверхности земли, бывшей подъ садомъ князя. Это мѣсто въ старомъ нагорномъ участкѣ города Кіева, находящееся въ серединѣ между Трехсвятительской, Десятинной и Андреевской церквами, извѣстно по лѣтописямъ подъ именемъ Княжа-Двора,—хотя и не все поступило подъ съемку, потому что большая часть сада князя и сосѣднія усадьбы по Трехсвятительской улицѣ остались не изслѣдованными, во всякомъ случаѣ важны и тѣ 360 кв. сажень болѣе возвышенной исторической площади, на которой совершались великія историческія событія и гдѣ стояли дворы великихъ князей кіевскихъ перваго періода, а впоследствии Яничъ монастырь.

Древній Кіевъ въ X столѣтіи занималъ небольшое пространство земли на горѣ; такое мнѣніе мы приобрѣли изъ нѣсколькихъ повѣствованій Нестора, записанныхъ въ его лѣтописи. Въ сказаніи о мести Ольги надъ послами Древлянъ находимъ подъ 945 г. такое разъясненіе о древнемъ Кіевѣ: «И послаша Деревляне лучшіе мужи, числомъ 20, въ лодьи къ Ольгѣ и присташа надъ Боричевымъ в—лодья. Бѣ бо тогда вода текущи въ здолѣ (внизу у подножія) горы Киевския и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, идѣже есть нынѣ (т. е. во

время описанія Несторомъ, въ 1108 г.) дворъ Гордятинъ и Нифовъ; а дворъ Княжь бѣше, идѣже есть дворъ Воротиславль и Чюдинъ. А Перевѣсище (теперешній Крещатикъ) бѣ внѣ града, И бѣ внѣ града дворъ другой, идѣже есть дворъ Демьстиковъ (Деместниковъ) за святою Богородицею: надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень (Лаврент., изд. Кэн. 47).

Изъ словъ лѣтописца мы видимъ, что первоначальный градъ Къевъ занималъ небольшое пространство на горѣ, гдѣ въ Несторово время находились только двѣ усадьбы. Это время основанія поселенія древнѣйшаго града, т. е. что здѣсь поселились первые люди патріархальнаго быта въ своихъ землянкахъ и отъ этого центрального пункта поселеніе расширялось, т. е. увеличивалось число поселенцевъ. Около первой землянки построили вторую, третью и т. д., строились, расширяя границы заселенія на горѣ. Когда же поселеніе стало многолюдно, избрало себѣ старшину, кагана, или князя, былъ ли то Кій или Аскольдъ, то этотъ князь жилъ въ своей усадьбѣ, или княземъ дворѣ, а эта усадьба первыхъ князей находилась на томъ мѣстѣ горы, гдѣ во время Нестора имѣли свои усадьбы Воротиславль и Чюдинъ. Но кромѣ этого главнаго двора, стоявшаго въ градѣ, т. е. въ пространствѣ, огороженномъ частоколомъ и рвами и укрѣпленномъ по понятіямъ того времени, былъ еще дворъ другой внѣ града, за Св. Богородицей, на мѣстѣ котораго во время Нестора жили пѣвчіе (дворъ Демьстниковъ).

Кромѣ того, во время Ольги былъ дворъ Теремный. «Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубокоу на дворѣ Теремскомъ внѣ града и заутра Ольга сѣдѣше въ Теремѣ посла по гости». (Шлецеръ. Т. III, стр. 299). Въ названіяхъ, которыя Несторъ даетъ дворамъ въ своемъ описаніи, мы видимъ различіе ихъ назначенія. Первый дворъ, находившійся во градѣ, Несторъ назвалъ ясно Княжь-дворъ, т. е. жилище кіевскаго князя, второй дворъ Несторъ назвалъ безъ слова «княжь»: «и бѣ внѣ града дворъ другой» и «на дворѣ Теремскомъ внѣ града»; изъ этого опредѣленія ясно видно, что главный Княжь-дворъ былъ во градѣ и въ немъ жилъ князь, но у князя была семья: братья, взрослые сыновья, которые особо жили за оградой крѣпости; да въ языческое время, когда было многоженство, князья, жившіе въ одномъ домѣ, либо дворѣ со своей дружиной, держали своихъ женъ въ теремномъ дворѣ, построенномъ надъ обрывомъ кіевской горы, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, на горѣ Уздыхальницѣ, съ вершины которой видно живописное теченіе Днѣпра, бархатные, зеленые луга и сосновые лѣса лѣвобережія на нѣсколько десятковъ верстъ. При потомкахъ Рюрика этотъ древнѣйшій градъ Къевъ помѣщался до Ярослава I на верхней площади центральной кіевской горы, высоко стоящей у впаденія ручья Почайны въ Днѣпръ, и древніе кіевляне чаще всего употребляли одно только слово для названія своего города, называя его горой. 1067 г. «Людие створиша вѣче на торговищи (собиравшемся на Подолѣ), идоша на гору съ вѣча. 1068 г. Изяславъ же възгна торгъ на гору. 1124 г. Погоре Подолье все; въ утрый же день погорѣ гора; 1146 г. Игорь созва Кыяне вси на гору, на Ярославль дворъ; 1180 г. погорѣша дворове на горе и церкви зажжеса велика Митрополья Софья. 1202 г. И въѣхавъ въ Подолье, посла на гору къ Рюрикови. 1203 г. Не токмо едино Подолье взяша

и пожгоша ино гору взяша и Митрополью (Св. Софью)». Это название горы употребляли летописцы для определения в Киев древнего города до XIII столетия. Гора эта, или собственно древний город, укреплен был валом и деревянной стеной, построенной из дубового частокола. (Смотр. план древнего града. Табл. № 2, рис. № 3). Вне этого древнейшего града все пространство было покрыто лесом, садами, либо песчаными полями, как говорит Нестор: «и быше около града лес и бор велик». Северным предломом Киева была гора Уздыхальница (где ныне Андреевская церковь), на восточном краю города был высокий в 45 саж. обрыв к берегу Почайны — притока Днепра и части города, называемой Подоль. С юго-восточной стороны проходила дорога до южных ворот града, по которой сообщались жители горы с Набережным Подолом и Днепром; эта дорога была в высшей степени крутая и называлась Боричев ввоз (между Трехсвятительской церковью и северной оградой Михайловского монастыря); дальше шел вал по задней оградке, теперешней Реальной гимназии, а южной границей был овраг (где ныне Большая Житомирская улица); там перекинут был мост через овраг и стояли западные ворота, называемые Софийские, а позднее Батыевы (на пересечении Житомирской улицы с Владимирской), а на западе вал проходил между Деместниковым двором, стоявшим вне града, и церковью Пресв. Богородицы (Десятинной), окружая ее и направляясь к Трехсвятительской церкви. Пройти в град или в укрепление можно было через ворота, укрепленные башнями, в которых через рвы и овраги перекинуты были мосты. С Подола на гору вели две дороги: одна по Боричеву ввозу, вела к южным воротам, а другая, по яру кожемятников, по-за Десятинной церковью, с северо-западной ее стороны, вела к западным воротам, называемым впоследствии Софиевскими и Батыевыми. Северо-восточная часть града, стоявшая над высоким обрывом горы, была по природе недоступна для езды и крута для пешеходов на всем пространстве между Боричевым ввозом и Кожемяками. Андреевского спуска тогда не существовало, только в XIV столетии, в Литовский период, были устроены на южной стороне Десятинной церкви ворота Драбския, для проезда в старый город из Литовского замка (крепости). Проезжая дорога со Старого города на Подоль, возле Андреевской церкви, только в 1715 г. была прокопана князем Голицыным.

Объяснив вкратце место, на котором находилась в древнем Киеве летописная гора и границы ее, т. е. града Киева, мне теперь надо определить, что означает летописное название Князь-двор и его место на горе. Г. Закревский (Описание Киева, стр. 839), в своих трудолюбивых изысканиях по древнему Киеву, ошибочно объясняет, что Князь-двор означало дом, здание, т. е. дворец, где жил князь, но не пространство, или площадь при доме; по моим же изысканиям, которые будут ясны из ряда летописных сказаний, какие мне придется здесь же привести, Князь-двор означает в летописях не только дом, занимаемый князем, но и совокупность всех построек, в которых жили князя, помещались: его прислуга, его дружина, кухни, конюшни, кладовые и проч. и все пространство, занятое этими постройками; количество этих построек с каждым

княземъ увеличивалось, занимая постепенно все большее пространство кievской горы у восточнаго ея вала. Объ обширности Княжяго-двора мы лучше всего можемъ судить по сказанію Ипатьевского лѣтописца съ 1150 г. «Изяславъ же поклонивъся святой Софьи и възвѣха на дворъ на Ярославль всимъ своимъ полкомъ и Кіянъ съ нимаъ приде множество. Въ то же время Вячеславъ сѣдѣше на сѣнници и мнози начаша молвити князю Изяславу: «Княже! ими и, дружину его изъемли; друзіе же молвахуть: «ать посѣчемъ подъ нимъ сѣни». Изяславъ же рече: «не дай ми того Богъ, язъ не убійца емь братіи своей; а се ми есть яко отецъ стрый свой, а язъ самъ полѣзу къ нему» · поима съ собою мало дружины, и лѣзе на сѣни къ Вячеславу къ строеви своему, и поклонися ему. Вячеславъ же вѣста противу Изяславу, и цѣловастася, и сѣдоста обою по мѣсту. Изяславъ же рече Вячеславу: «Отце! кланяются нелѣзъ ми ся съ святоѣ Софьи поѣха, и съ братею, на Ярославль дворъ, стояща, а много ти лиха замысливаютьъ»... Изяславъ же прѣѣха въ Кіевъ, и тако удара у трубы съзва Кіяны, и пойде изъ Кіева полки своими противу Володимиру... По возвращеніи Изяслава въ Кіевъ и бѣгства Игоря, находимъ описаніе пріема кievлянами возвратившагося князя и угощенія кievлянъ. «Кіяне же, услышавше Изяслава, изидоша противу ему съ радостью. Изяславъ же въ Кіевѣ сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего съ честью великою, много изымаша дружины Гюргеви по Кіеву. Изяславъ же отъ святоѣ Софьи поѣха, и съ братею, на Ярославль дворъ, и Угры позва съ собою на обѣдъ и Кіяны, и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли и пребыша у велицѣ весельи, тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть, на Ярославли дворѣ многое множество. Кіяне же дивяхуться Угромъ множеству, и кметѣства ихъ, и кономемъ ихъ». Отнявъ Кіевъ побѣдами у Всеслава, Изяславъ входитъ въ свой Княжъ-дворъ, унаслѣдованный имъ отъ отца и дѣда. Этотъ дворъ настолько обширенъ, что въ немъ помѣстились полкъ, князья и вспомогательный отрядъ венгерскаго войска, т. е. вся армія князя и жители Кіева. Всѣхъ собравшихся людей князь кормить и угощаетъ на радости. Между тѣмъ мы видимъ, что площадь града Кіева, окруженная валами, занимала около десяти десятинъ пространства. Выключивъ пространство, занимаемое двумя церквями, Св. Василія и Пресвятой Богородицы и двумя монастырями: Янчинимъ, съ церковью Св. Андрея и Вотчъ, съ церковью Св. Феодора, да Бабій торжокъ возлѣ Десятинной церкви, то ясно увидимъ, что въ предѣлахъ града мало уже остается площади и свободное мѣсто между Янчинимъ монастыремъ и церковью Св. Василія (Трехсвятительской), у восточнаго вала, занималъ Княжъ-дворецъ, а на остальной площади стояли другіе дома родичей и для помѣщенія дружины и службы князя. Только въ первоначальныхъ лѣтописяхъ, въ объемѣ древняго града, упоминается лѣтописцами о нѣсколькихъ усадьбахъ Воротиславля и Чюдина, совѣтниковъ Ярослава I. да дворъ Гордятина, Нифова и усадьба Варяга, на которой построена Десятинная церковь. Но послѣ Ярослава I усадьбы частныхъ лицъ, упоминаемыхъ лѣтописцами, были внѣ древняго града за Батыевыми воротами (дворы Брячислава, Глѣба). О расположеніи построекъ на пространствѣ древняго града, соображаясь съ уцѣлѣвшими ихъ остатками, узнаемъ изъ разсказа лѣтописца объ убіеніи Игоря Ольговича

въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1147 годомъ, разсказанной дополняя сказанія лѣтописца своими объясненіями мѣстности усадебъ, указываемыхъ лѣтописцемъ. Князь кievскій Изяславъ выступилъ съ своей дружиной къ Чернигову, но, удостовѣрившись во время пути, что черниговскіе князья хотѣли его замануть къ себѣ, съ намѣреніемъ его захватить и отнять у него Кіевскій великокняжескій удѣлъ, озлобился на нихъ и прислалъ распоряженіе къ двумъ оставшимся въ Кіевѣ братьямъ своимъ Владимиру и Михаилу: собрать кievлянъ на вѣче во дворѣ Св. Софіи и, объяснивъ имъ измѣну, требовать, чтобы Кіяне, вооружившись, спѣшили къ нему на помощь для наказанія черниговскихъ князей. Кіевляне согласились, но, не довѣряя остающемуся въ Кіевѣ схимнику Вотчь монастыря, Игорю, бывшему передъ тѣмъ кievскимъ княземъ, и опасаясь, что во время отсутствія изъ Кіева всѣхъ гражданъ и князей, Гюргій натворитъ бѣды Кіеву, рѣшились, передъ выступленіемъ изъ города, убить Гюргя. Митрополитъ Климы, тысячкій Лазарь и князья отговаривали ихъ отъ убійства, но увѣщанія не помогли, и кievляне всей толпой двинулись отъ Св. Софіи въ старый городъ для исполненія своего рѣшенія. «Они же кликнуша и пойдоша убивать Игоря, и Володимиръ всѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту; онъ же не мога ихъ минути увороти коня на право мимо Глѣбовъ дворъ, и вскорѣша Кіяне передъ Володимиромъ. Игорь же, услышавъ, поиде въ церковь Св. Феодора, они же устремишася нанъ яко звѣрье свѣрпши и похитиша его на обѣднѣ въ церкви святого Феодора, и манотью на немъ оторгоша... и емше поведоша изъ монастыря, и срѣгѣ и Володимиръ въ вратѣхъ монастырскихъ». Когда народъ изъ Софійскаго двора побѣжалъ по мосту чрезъ западныя ворота въ Вотчь монастырь, въ которомъ жилъ инокъ Игорь, то Владимиръ вскочилъ на свою верховую лошадь, на которой пріѣхалъ на вѣче въ Софію и погналъ коня, желая впередъ толпы явиться къ Игорю, чтобы его спрятать, либо спасти какимъ-нибудь образомъ. Прискакавъ къ мосту и увидѣвъ его набитымъ тѣсненнымъ народомъ, онъ поворотилъ коня вправо, мимо Глѣбова двора, надѣясь промчатся къ монастырю, быстрѣе черезъ южныя ворота. Но толпа его опередила, такъ какъ Вотчь монастырь былъ ближе западныхъ, нежели южныхъ воротъ. Монастырь этотъ съ церковью Св. Феодора и кельями былъ огороженъ заборомъ, и входъ въ монастырь былъ съ востока, отъ стороны Княжаго-двора. Изъ смысла словъ лѣтописи Патриаршей, стр. 116, мы узнаемъ, что каменная церковь Св. Феодора Вотчь монастыря была недалеко отъ городскихъ западныхъ воротъ и въ недалекомъ разстояніи со стороны воротъ этого монастыря была Андреевская церковь женскаго Янкина монастыря, часть стѣны церкви Св. Феодора видѣлъ въ 1638 г. Кальнофойскій и показалъ ихъ на своемъ планѣ (Закревскій, 224 стр.). Толпа, схвативъ Игоря въ церкви и сорвавъ мантию, выводила его изъ воротъ ограды монастыря въ то время, когда къ этимъ воротамъ прискакалъ Владимиръ. «Игорь възря нанъ: оохъ брате, камо мя ведутъ? Исходи Володимиръ съ коня и огну и корзномъ, река Кіанемъ: братіе моя! не мозите сего створити зла, ни убивайте Игоря, и доведе и Володимиръ воротъ матери своея, и ту начаша Игоря убивати, и удариша Володимира, бьоче Игоря. Михайлъ же видѣ то, исходи съ коня, хотя помочи Володимиру, Володимиръ

же вмча и во дворъ матери своей, Игоря хороня, и затвори ворота; бьоче же Михаила, отторгаша хрестъ на немъ и съ чепми, а въ немъ гривна золота. Толику же множеству, убивающимъ Игоря (и пригна Володимиръ Мстиславичъ, искочи съ коня паде на Игоря) и тако Игорьъ вѣста и вниде въ дворъ Мстиславль; и тако людье яша Володимира и хотѣша убити про Игоря и тако изъ народа стояще, и вѣзрѣша Игоря вѣбѣгша въ Мстиславль дворъ и тако народъ двигнушася и выломша ворота и тако побиха». Увидѣвъ Игоря во власти толпы безъ одежды, Владимиръ вырвалъ его изъ рукъ убійцъ, прикрывъ наготу его своимъ плащемъ, и увелъ его въ ближайшій дворъ княгини матери своей, т. е. вдовы князя Мстислава, которая, вѣроятно, жила вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Михаиломъ и имѣла свой дворъ ближе другихъ княжихъ дворовъ, находившихся отъ мѣста происшествій, но въ воротахъ, когда кievляне замѣтили, что жертва могла изъ рукъ ихъ уйти, то уже не стѣсняясь князя Владимира, кинулись отнимать силою Игоря, прибѣжавшій князь Михаилъ, увидя, что бьютъ не только Игоря, но и Владимира, соскочивъ съ коня, ринулся спасать князей и завязалъ рукопашную свалку съ кievлянами, вѣроятно ему помогли, какъ прислуга, такъ и тысяцкіе съ тивунами и всѣ люди, которые на вѣче въ Софійскомъ дворѣ были противъ убійства Игоря. Борьба была упорная настолько, что одежды, крестъ съ мощами и шейная золотая гривна Михаила были сорваны, но драка приверженцевъ князей дала время Владимиру провести Игоря во дворъ и запереть ворота. Когда же Владимиръ увидѣлъ, что бьютъ брата его Михаила, то оставилъ Игоря спасаться, какъ самъ знаетъ, а вернулся помогать брату, и теперь толпа, озлобленная тѣмъ, что не видитъ уже Игоря, чуть не убила Владимира за уводъ Игоря. Игорьъ воспользовался временемъ драки, не чувствуя себя здѣсь въ безопасности, закрытый оградой двора, бѣжалъ подальше и пробрался по за оградой Вотчь монастыря въ другой княжій дворъ Мстиславль, который, вѣроятно, находился на западъ отъ Десятинной церкви. Но кто то изъ лицъ, не участвовавшихъ въ борьбѣ, замѣтилъ Игоря, спасавшагося во дворъ Мстиславля, и когда народъ, осиливъ княжескихъ приверженцевъ и поколотивъ князей, не нашелъ Игоря во дворѣ матери князей, то по указанію видѣвшаго спасавшагося Игоря, народъ устремился на дворъ Мстиславовъ, выломалъ ворота и тамъ поймалъ Игоря и убилъ его. Повторяющіяся слова лѣтописи: «и прогна Володимиръ Мстиславль искочи съ коня паде на Игоря» были написаны второй разъ переписчикомъ по ошибкѣ; продолженіе текста лѣтописи такъ гласитъ: «Беззаконіи же немилостивіи побивше и отъинудъ тѣло его наго оставиша и поверзъше ужемъ за ноги уволочиша; и еше живу сущу ему, ругающеса царьскому и священному тѣлу и волокша и съ Мстиславля двора черезъ Бабинъ торжекъ на Княжь-дворъ, и ту прикончаца и... И оттуда възложиша и на кола, и везоша и на Подолье, на Торговище». Избитаго на дворѣ Мстислава Игоря, привязавъ къ ногамъ веревки, поволокли черезъ Бабинъ торжекъ на Княжь-дворъ, чтобы тамъ взять повозку, на которой перевезли убитаго Игоря на Подоль. Извѣстно, что Бабинъ торжекъ находился на площади между Десятинной и Св. Феодора церквами, черезъ эту же площадь проходила улица отъ западныхъ воротъ къ княжему дворцу, слѣдовательно, Мстиславль дворъ былъ съ

западной стороны Десятинной церкви. Для двора же вдовы Мстислава, матери князей, жившихъ въ своемъ дворѣ, ближе другихъ къ Вотчѣ монастырю находилось только на южной сторонѣ Вотчѣ монастыря свободное мѣсто и оба двора были огорожены заборомъ съ крѣпкими воротами. Княжъ-же дворъ былъ обширнѣе всѣхъ, гдѣ князья могли угощать тысячи народа и свои полки, а съ галереи (сѣни) трубой созывали киевлянъ къ себѣ на совѣтъ. Пространство подходящее, какъ болѣе защищенное неприступными обрывами, съ прекраснымъ видомъ на Заднѣпровье, и болѣе другихъ обширное, чтобы помѣстить Великій Ярославъ, или Княжъ-дворъ было только у восточнаго вала древняго града, а двое городскихъ вратъ стояли насупротивъ дворца. Въ такомъ положеніи былъ древній градъ до князя Владимира, но со времени княженія Владимира, державшаго мощной рукой власть надъ разными племенами, вошедшими въ составъ Руси, и значительно расширившаго границы подвластныхъ ему народцевъ, древній градъ становился тѣснымъ для возрастающаго народонаселенія; знатные горожане начали строить дома на плоскости Софійской, вблизи укрѣпленія древняго города, и сынъ Владимира Ярославъ увидѣлъ необходимость окружить укрѣпленіями и вновь заселившуюся часть города, расширившуюся до Золотыхъ воротъ на западъ и жидовскихъ воротъ (сѣнная площадь) на сѣверо-западъ, украсилъ новую часть города многими каменными строеніями, какъ Софійской митрополіею, Ирининскимъ женскимъ и Георгіевскимъ мужскимъ монастырями, Золотыми воротами и проч. Подоль и Печерская обитель также заселились и укрѣпились, такъ что Кіевъ, въ половинѣ XI столѣтія сдѣлался довольно значительнымъ и богатымъ городомъ. По кончинѣ Ярослава, на пространствѣ между Трехсвятительской и Десятинной церквами, въ 1086 г., Всеволодъ Ярославичъ «заложи церковь Св. Андрея, створи у церкви тоя монастырь, въ немъ же пострижеса дщи его дѣвою именемъ Янька». Монастырь этотъ назывался Яничъ и Янкинъ и тамъ погребены были: въ 1111 г. Анна, вторая супруга Всеволода, въ 1112 г. инокиня Янька, для которой былъ основанъ монастырь этотъ; въ 1139 г. Ярополкъ II, погребенный рядомъ съ Янкой. Въ 1170 г. погребенъ Володимиръ, сынъ князя Андрея Боголюбскаго. (Закревскій, стр. 188, т. I). При нашествіи монголовъ, Батый, въ 1240 г. разрушилъ этотъ монастырь и о немъ забыли; только по прошествіи 500 лѣтъ, новую Андреевскую церковь построила Императрица Елисавета въ другомъ мѣстѣ, на горѣ Уздыхальницѣ въ 1750 г., гдѣ она и нынѣ находится. Рядомъ съ раскопанымъ теперь мѣстомъ къ югу былъ Вотчъ-мужской монастырь Св. Ѳеодора, который въ 1128 г. основалъ князь Мстиславъ, сынъ Владимира Мономаха, около котораго было похоронено много князей Рюрикова дома: Мстиславъ Владимировичъ, Изяславъ Мстиславичъ, Ростиславъ, Мстиславъ и Владимиръ Мстиславичи, Изяславъ Ярославичъ, Глѣбъ Юрьевичъ и друг. Церковь эта каменная, тоже разрушена была въ погромъ монгольскій, но часть стѣны этой церкви просуществовала до 1638 г. и, постепенно разбираемая окрестными жителями, исчезла безслѣдно. Изъ всего здѣсь сказаннаго и перечисленныхъ именъ князей, похороненныхъ на этомъ участкѣ, достаточно убѣждаемся, что древній градъ былъ вмѣстѣ усыпальницей Велико-княжескаго періода Кіевскихъ князей. Но этотъ Пантеонъ Рюриковичей, какъ и весь

Кіевъ въ монгольскій періодъ, былъ разрушенъ въ 1240 г., и Кіевъ въ продолженіе 10 лѣтъ послѣ погрома былъ такой пустыней, что только волки по немъ бродили. Подъ натискомъ монголовъ всѣ кіевляне и окрестные жители, сбѣжавшіеся въ крѣпость, столпились въ послѣдній часъ борьбы около Десятинной церкви, гдѣ монголы ихъ избивали: «и люди вся изсѣкоша, мужи, жены и чада, и не бѣ стонущаго, ни плачущагося, ни отцу, ни матери о любимыхъ чадахъ, ни брату по братѣ, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертвы лежаше» (Софійскій временникъ). Восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ монгольскаго нашествія, въ 1320 г., всѣ бояре Волынской области признали своимъ княземъ могущественнаго Литовскаго князя Гедимина, удержавъ обычаи и вѣру свои. Соловьевъ, русск. истор. въ т. III, стр. 305, о покореніи Кіева такъ рассказываетъ: «На слѣдующій, 1321 г., Гедиминъ двинулся къ Кіеву, которымъ владѣлъ какой то князь Станиславъ. На помощь къ Станиславу пришли князья: Олегъ Переяславскій, Святославъ и Василиій Брянскіе и бѣжавшій изъ Волыни князь Левъ и встрѣтили Литовцевъ надъ рѣкою Ирпенемъ. Гедиминъ разбилъ соединенное войско князей. Олегъ и Левъ были убиты въ сраженіи, а Станиславъ съ Брянскими князьями бѣжали съ побѣдою. Бѣлгородъ сдался побѣдителю, а Кіевъ выдержалъ двухмѣсячную осаду, но граждане, не видя ни откуда помощи, собрались на вѣче и рѣшили поддаться Литовскому князю, который съ триумфомъ въѣхалъ въ Золотыя ворота. Другіе города русскіе послѣдовали примѣру Кіева. Гедиминъ оставилъ вездѣ старый порядокъ, только посажалъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны по городамъ. Первымъ намѣстникомъ въ Кіевѣ былъ назначенъ Миндовъгъ, князь Гольшанскій. Съ тѣхъ поръ Кіевъ раздѣлялъ историческую судьбу Литовскаго княжества въ продолженіе 346 лѣтъ до Андрусовскаго мира, заключеннаго въ 1667 г. 20-го Января, между Яномъ Казиміромъ, королемъ Польши и Алексѣемъ Михайловичемъ, царемъ Московскимъ. Въ Литовскій періодъ мѣстность, нами раскопанная, находилась на границѣ Кіевского замка, т. е. крѣпости, построенной Гедиминомъ или Ольгердомъ, для защиты города отъ нападенія татаръ. Въ замкѣ жилъ воевода, стояли казармы для войскъ гарнизона и дома управленія краемъ. Укрѣпленія замка были окружены валомъ и высокимъ частоколомъ, или острогомъ и шестигранными трехъ-этажными рублеными башнями, числомъ пятнадцать. Укрѣпленія занимали горы: Уздыхальницу и Киселевку, которыя въ то время не были раздѣлены Андреевскимъ спускомъ, прорѣзаннымъ Голицынымъ въ 1715 г., а составляли вмѣстѣ одну площадь. Въ районѣ Десятинной церкви къ югу, были южныя ворота крѣпости, называемыя Драбскія, для проѣзда изъ замка въ Старый городъ. Хотя замокъ и весь Кіевъ былъ выжженъ и разрушенъ въ 1482 г. крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, но польскіе короли опять его возстановили и замокъ существовалъ до 1649 г. Съ присоединеніемъ лѣвобережной Малороссіи и Кіева къ Россіи съ 1654 г. крѣпость была устроена на Старомъ городѣ и крѣпостныя валы обхватили значительное пространство, они выдвинуты были къ Золотымъ воротамъ и на Большую Подвальную улицу.

Извѣстныя намъ раскопки въ этой мѣстности произведены были въ 1832 г. на Десятинной улицѣ Кондратомъ Лохвицкимъ на счетъ графа Сакена. Найденныя